

Кшиштоф Кесьлевский:

Кен ШУЛЬМАН

«НЬЮСУИК», НЬЮ-ЙОРК.

КШИШТОФ КЕСЬЛЕВСКИЙ — режиссер бурно встреченной зрителями трилогии «Три цвета: синий, белый, красный» и ленты «Десять заповедей», поставленной им для польского телевидения. Режиссер — ветеран с более чем 25-летним стажем работы в документальном и игровом кино. Кесьлевский дал недавно в Перудже (Италия) интервью нашему журналу.

— Почти все ваши известные работы основываются на идеях философии Просвещения. Играет ли кино и вообще искусство какую-то роль в определении и изображении традиционных ценностей?

— Я отнюдь не уверен в том, что кино — искусство. Если все же так, это может быть одной из его функций.

— Если кино не искусство, то что же это?

— Кино — одна из примитивных форм повествования. У человека всегда была и есть потребность о чем-то рассказывать и выслушивать рассказы. Кинокамера лишь фиксирует то,

что видит ее объектив. Представьте себе, как можно снять на пленку такую фразу: «Он начал бывать у нее все реже и реже, а потом и вовсе перестал появляться». Она частенько встречается в литературе. Однако на пленке ее необразишь, потому что речь идет о времени, о взаимоотношениях между людьми. Попытайтесь вы передать это единственное предложение языком кино, на это ушло бы целых полчаса экранного времени.

— Почему же вы выбрали кинематограф, если этот жанр искусства так неадекватен?

— Профессию кинематографиста я не выбирал, так сложилось. А теперь делаю фильмы, чтобы с их помощью

разговаривать с людьми. Я хочу задать своему зрителю те же вопросы, что задаю себе. Зачем я живу? Почему я должен вставать по утрам? Почему должен работать? Что будет со мной после смерти? Мне хотелось бы, чтобы мой зритель понял: он не одинок в своих сомнениях и раздумьях. Это вопросы без ответов, потому они и интересны. Вопросы без ответов побуждают нас к поиску. А ведь важны именно эти поиски, совсем не ответы.

— Ваши последние фильмы поднимают проблему одиночества. Разве в 90-х годах человек более одинок, чем в прошлом?

— Несомненно. И чем богаче страна, тем более одиноки ее граждане. Я никогда не встречал более одиноких, изолированных друг от друга людей, чем в Швейцарии, где снимал фильм «Красный».

— В коммунистической Польше вы вели постоянную борьбу с правительственной цензурой...

— Я не стал бы употреблять слово «борьба», поскольку оно ассоциируется с типично польским синдромом страдания. Поляки любят демонстрировать свои страдания всему миру, думая, что за одно это, как люди, достойны лучшего. Польские писатели и кинематографисты старались сосуществовать с цензурой, как могли одурачивали ее, обводили вокруг пальца. Мы вели себя так, будто цензура — это

им всегда»

трасса для слалома, мы же лыжники, старающиеся проскочить в ворота. Это была отличная школа. Цензура — такой же стимул, как любые другие препятствия. Думаю, многие фильмы и книги в Восточной Европе именно цензуре обязаны своим появлением на свет.

— Ныне вам приходится сосуществовать с западной киноиндустрией, выпускающей невероятно дорогостоящие фильмы. На Западе нередко присутствующие на предварительном просмотре решают, чем должна закончиться лента...

— Абсурд, когда подобные решения принимаются людьми, не имеющими морального права присутствовать на монтаже картины. Фильмы выстреливаются по принципу работы предприятий «быстрого» питания; каждый последующий идентичен предыдущему. Я, впрочем, тоже создал много версий своих фильмов. Но чем фильм должен закончиться, решаю только я. За этот выбор мне деньги и платят. Феллини никогда не устраивал закрытых просмотров.

— Разве это не торжество демократии — завершать ленту в соответствии с решением большинства?

— Да. Но искусство в данном случае ни при чем. Оно не имеет с демократией ничего общего. Искусство — диктатор и было им всегда.